

ВЕРБАЛЬНАЯ НОТА ПОСТОЯННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА МЕКСИКИ
ОТ 10 АПРЕЛЯ 1996 ГОДА НА ИМЯ СЕКРЕТАРИАТА КОНФЕРЕНЦИИ
ПО РАЗОРУЖЕНИЮ, ПРЕПРОВОЖДАЮЩАЯ КОПИЮ ВЫСТУПЛЕНИЯ
ПРЕДСТАВИТЕЛЯ МЕКСИКИ В МЕЖДУНАРОДНОМ СУДЕ
3 НОЯБРЯ 1995 ГОДА

Постоянное представительство Мексики при международных организациях свидетельствует свое глубокое уважение секретариату Конференции по разоружению и имеет честь препроводить ему текст выступления представителя Мексики в Международном Суде 3 ноября прошлого года по вопросу о законности применения или угрозы применения ядерного оружия, а также просит распространить его в качестве официального документа Конференции по разоружению.

Заявление Мексики в Международном Суде относительно консультативного
заключения о законности применения или угрозы применения
ядерного оружия

(Гаага, 3 ноября 1995 года)

Г-н Председатель и члены Международного Суда, прежде чем начать свое выступление, я хочу выразить чувство глубокой печали по поводу безвременной кончины выдающегося представителя Венесуэлы, замечательного юриста-международника и дипломата судьи Андреса Агилара, с которым мне довелось совместно трудиться в рамках усилий по разработке международного правопорядка.

И в этой связи позвольте мне от имени мексиканского правительства заверить настоящий Суд, что мы придаем фундаментальное значение его работе в рамках общих усилий по обеспечению полноценной законности в международных отношениях.

Тот факт, что Мексика придает важное значение Международному Суду с основания Организации Объединенных Наций ровно 50 лет тому назад, нашел свое отражение в замечаниях по думбартон-окскому предложению. В документально оформленных замечаниях Мексика, которая не была приглашена в Думбартон-окс, взяла на вооружение позицию видных юристов из неофициального комитета союзников относительно судьбы Постоянной палаты международного правосудия. Исходя из предыдущего опыта, накопленного Лигой Наций, Мексика сочла, что в случае Международного Суда было бы нецелесообразно воспроизводить ту органическую связь, которая существовала между Постоянной палатой международного правосудия и Лигой Наций. Такая органическая взаимосвязь, как она полагала, могла бы ущемить независимость членов Суда. Поэтому Мексика предложила создать Международный Суд, способный сохранить максимально возможную степень независимости при осуществлении своих функций. В 1944 году мы сочли, что в рамках этого высшего юридического органа независимый характер деятельности находил бы свое отражение в обретении все большей свободы перед лицом любых превратностей, будь то прямых или косвенных, которые могли бы затронуть преимущественно политический орган типа Организации Объединенных Наций, которая тогда была уже накануне своего становления.

По нескольким причинам Сан-Францисская конференция проголосовала за противоположное предложение и сделала Суд, к которому вы принадлежите, одним из главных органов Организации Объединенных Наций. Хотелось бы подчеркнуть, что, как это отмечал Шабтай Розенн в своей книге "The Law and Practice of the

International Court" 1/, "сан-францисское решение делает Суд неотъемлемой частью Организации Объединенных Наций". При рассмотрении в Суде дела о международных договорах, с тем чтобы установить обязанность настоящего судебного форума давать консультативные заключения, запрашиваемые Генеральной Ассамблеей, судья Ачеведом заявил следующее: "Суд, возведенный в статус главного органа и неотъемлемой части механизма Организации Объединенных Наций, должен делать все возможное для взаимодействия с другими органами, с тем чтобы реализовать цели и принципы, закрепленные в Уставе". Несмотря на нашу изначальную позицию, Мексика осознает значимость перемен и, разумеется, признает Суд в качестве органа Организации Объединенных Наций.

Кроме того, г-н Председатель и члены Международного Суда, мне хотелось бы напомнить вам и о том, что на пятидесятой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций правительство Мексики, в лице министра иностранных дел, сообщило о нашем решении изучить вопрос о целесообразности сохранения нашей оговорки против обязательной юрисдикции Суда. И эта работа уже ведется компетентными ведомствами моей страны. При изучении своей оговорки мы, разумеется, принимаем во внимание принцип взаимности, получивший подтверждение в юриспруденции данного высокого Суда.

Значимость международного права

Г-н Председатель, величайшей задачей современности является, на наш взгляд, поиск мира и справедливости. И одной из наиболее интересных проблем, с которыми сталкивается общество, является та роль, которую играет или может играть законность в решении этой задачи.

Прежде всего, чтобы поставить мир на прочную основу, необходима сила закона, хотя само по себе право не гарантирует мира. Игнорирование же его принципов может придать любому действию, направленному на достижение этой цели, произвольный и субъективный характер. По словам известного борца за свободу Симона Боливара, международное право должно быть "тем сводом законов, который и в мирное и в военное время ограждает нашу судьбу".

Мексика подчеркивает важность обеспечения законности в рамках международной деятельности с тех самых пор, как она представила замечания по думбартон-окскому плану. В одном из своих первых заявлений Мексика определила в качестве одной из

1/ Shabtai, Rosenne; 1965 The Law and Practice of the International Court, Leyden, Netherlands; A.W. Sljthoff.

своих целей присоединения к настоящей международной организации "необходимость существования народов в целях гармоничного развития в условиях законности".

В своей книге "The World beyond the Charter" ^{2/} британский юрист, многие годы проработавший в Международной организации труда, сэр Уилфред Дженкс, освещает, как он говорит, основные парадоксы, с которыми сталкивается мир. Применительно к международному праву он отмечает среди них следующий: "Еще никогда не регламентировалось так много областей человеческой деятельности. Мы достигли основополагающих принципов поведения, которые уже приняты международным сообществом, а в договорах и посредством резолюций международных организаций, которые с каждым днем приобретают все больший вес в качестве источника обязательств, мы кодифицировали нормы, применимые к тем видам деятельности, которые заслуживают первоочередного внимания со стороны сообщества. Однако верно и то, что право все еще вызывает мало доверия в качестве способа решения наших наиболее фундаментальных задач. В глазах общественного мнения международное право не пользуется популярностью, а когда оно упоминается, то это почти всегда связано с критикой его неэффективности. Все больший скептицизм вызывает целесообразность использования правовых мер для регулирования динамичных изменений современного общества. Самым же трагичным следствием этой парадоксальной ситуации является вездесущая опасность того, что право, не откликаясь надлежащим образом на требования нашего общества, среди прочего, из-за отсутствия творческого подхода к пониманию решаемых задач, утратит всякое влияние на человеческую деятельность".

Позвольте мне, заняв несколько минут вашего времени, поделиться рядом соображений относительно этой ситуации. Они, бесспорно, будут иметь четкое отношение к рассматриваемому предмету, а также к той функции, которую надлежит исполнять Суду на основании Устава и своего Статута.

В своей книге "Theory and Reality in Public International Law" ^{3/} Шарль де Висше отмечал, что историческое развитие организованного международного сообщества претерпело два фундаментальных качественных изменения, что нашло отражение в постепенной трансформации международного правопорядка.

---

^{2/} Jenks, Wilfred 1972 (1909), El Mundo mas Allá de la Carta: Cuatro Etapas de la Organizacion Mundial; Madrid, Tecnos, Colec. Ciencias Sociales.

^{3/} DE VISSCHER, Charles; 1957 Theory and Reality in Public International Law; Princeton; Princeton Univ.

Первым из них стал распад средневекового общества, который сменился безудержным порывом к созданию нового порядка. Первым таким признаком оказалось формирование наций в Западной Европе. Данный этап, закрепленный юридически в 1648 году Вестфальскими договорами, ознаменовал собой начало современной международно-правовой системы.

Как напомнил нам профессор Мосслер в рамках курса по теме "Международное общество как правовой субъект", прочитанного им в Гаагской академии в 1974 году, в начале этого периода международное право было исключительным достоянием малого круга христианских народов – некоего европейского клуба, где основные державы, которые, осуществляя коллективную гегемонию над Европой, притязали на то, что они как группа имеют право вторгаться в вопросы, которые, по их мнению, представляют общий интерес. Со временем классическое международное право стало охватывать Африку, Азию и Латинскую Америку – но не в качестве активных участников, архитекторов коллективных усилий, а в качестве объектов колониальной эксплуатации. Международный правопорядок был увязан со структурой колониальной державы, а его предпосылки были определены как результат взаимоотношений между колониальными державами, пока они продолжали доминировать над так называемым "Новым светом".

Но красноречивее всего осветить эту проблему удалось Вам, г-н Председатель, в своей книге "Toward a New International Economic Order" ^{4/}, опубликованной в 1979 году на испанском языке в Саламанке. В ней вы отметили, что "правопорядок, созданный античным международным обществом, на первый взгляд ассоциировался с нейтральностью или индифферентностью, однако утвержденный им принцип попустительства и потакательства, в сущности, привел к ущемлению права и поощрял несправедливость. Поэтому классическое международное право, каким бы индифферентным оно ни представлялось, фактически носило попустительский характер. Оно признало и закрепило право так называемых цивилизованных наций на господство. Это было колониальное и имперское право, которое было институционализировано в 1885 году на Берлинском конгрессе по вопросу о Конго. В то время это классическое международное право было представлено в виде системы норм, базировавшихся на географических критериях (европейских), навеянных расовыми и религиозными постулатами (христианскими), продиктованных экономическими интересами (торгового характера) и сопряженных с определенными политическими целями (империалистическими). Как отмечает далее судья Беджауи, пришлось дожидаться Устава Организации Объединенных Наций для того, чтобы на смену замкнутому обществу пришло общество открытое и чтобы термин "цивилизированные нации" уступил место выражению "миролюбивые государства", как указано в пункте 1 статьи 4 Устава".

---

^{4/} BEDJAUI, Mohammed; 1979, Hacia un Nuevo Orden Económico Internacional, Salamanca, España; Edit. Sigüeme.

Вторым историческим изменением в рамках рассматриваемой г-ном де Виспе эволюции международного сообщества стало появление значительного числа независимых государств в результате распада колониальной системы в период 1945–1976 годов. Благодаря Организации Объединенных Наций более 2 млрд. человек, проживающих в бывших колониальных странах, были избавлены от колониального ига и тем самым вовлечены в русло мировых событий.

Вне всяких сомнений, деколонизация оказала решающее влияние на пересмотр содержания и сферы применения современного международного права. А соответственно, исчезновение колониализма изменило и положение многих государств. Из объектов международного права они превратились в полноправных субъектов и активных участников процесса перестройки правопорядка на основе новых характеристик международного сообщества.

Но даже в этих условиях международная жизнь по-прежнему регулировалась классическим международным правом, основанным на практике небольшого числа колониальных держав в XVIII и IX веках. И во многих случаях это означало сохранение неравенства и эксплуатации.

Возникновение в результате этого процесса большого числа новых государств ставит принципиальный вопрос о том, в какой мере эти новые государства – не принимавшие участия в создании международного права, которое уже действовало во время их образования и положения которого зачастую не отражают их интересов, – связаны его предписаниями? Это щекотливый вопрос, и в последнее время его изучением занимаются многие авторы. Конечно, с юридической и практической точек зрения этот вопрос прост: когда то или иное государство присоединяется к международному сообществу, то уже самим этим актом оно признает существующие нормы и установления. Однако эта проблема носит гораздо более сложный и трудный характер: если многочисленные предписания международного права не получают признания и активной поддержки со стороны значительной части международного сообщества, то будет трудно обеспечить законность в современном обществе.

Эта ситуация особенно очевидно проявляется в случае обширного раздела международного права, известного как "ответственность государств", который имеет несколько фундаментальных проблем, имеющих отношение к практике государств.

Описанная тенденция, конечно, наблюдается не во всей сфере международного права, но многие важные международные предписания все же отражают такого рода неравенство. И поэтому неудивительно, что новые государства, которые были, так сказать, не соавторами, а пассивными объектами этого международного права, подчас создают впечатление, что они восстают против его применения. Да и восстают они в прямом смысле слова, как это имеет место в случае народов, жаждущих обрести полную международную правосубъектность и вынужденных прибегать к насилию, с тем чтобы сбросить давнишнее колониальное иго. Колониализм был одобрен Уставом Организации

Объединенных Наций, но коренилось это в тех политических условиях, каких сегодня уже не существует. В других случаях такое противодействие может обретать и косвенные формы, которые будут рассмотрены ниже.

Все мы помним тот слабый отклик, который встретило на Генеральной Ассамблее предложение Комиссии международного права относительно арбитражных процедур. В разработанном Комиссией проекте договора предусматривался ряд новаторских и жестких мер с целью воспрепятствовать уклонению сторон от своего изначального обязательства урегулировать споры арбитражным способом. Большинство стран, не придерживающихся традиционных подходов в вопросе об ответственности государства, выступили против этого проекта. Так по какой же причине новые государства не поддержали обязательный или квазиобязательный арбитраж? Я задаю этот вопрос объективно и беспристрастно, ибо Мексика является одной из немногих стран американского континента, которые безоговорочно ратифицировали Боготский пакт, предусматривающий обязательное арбитражное разбирательство. (В качестве дополнительных примеров, иллюстрирующих наши замечания, можно привести следующие: подходящим примером такого "восстания" является спор между Исландией и Великобританией по вопросам рыболовства. Я не буду вдаваться в существо уже решенной проблемы, а коснусь лишь изначального подхода каждой страны в отношении предпочтительного метода поисков решения. Великобритания предложила целиком передать эту проблему на усмотрение Международного Суда. Исландия же не только отказалась обратиться в Суд для урегулирования спора по действующему праву, но и решительно боролась в Организации Объединенных Наций и на других форумах за установление новой общей нормы международного права, которая позволила бы урегулировать спор в ее пользу. В этом-то и состояла суть проблемы. Если бы можно было сказать, что в то время международное право позволяло странам распространять свою исключительную юрисдикцию на рыболовство и даже на их территориальные воды на расстоянии до 12 миль, то, вероятно, тогда большинство членов Суда, будь им представлен этот спор, решили бы, что превалирующее международное право не обязывает другие страны признавать установленный в одностороннем порядке территориальный предел свыше трех миль.

На первый взгляд это выглядит курьезно. Право является предпочтительнейшим средством защиты слабых. И именно потому, что слабые страны не могут использовать силу, чтобы защитить себя, в их интересах позаботиться о том, чтобы был тщательно установлен и применялся на обязательной основе международный правопорядок.

Как я пытался проиллюстрировать это на предыдущих примерах, еще одной формой косвенного противодействия новых государств стала слабая склонность признавать обязательность постановлений Международного Суда. В международном сообществе, насчитывающем 185 стран-членов, большинство из которых либо невелики, либо обрели свою независимость сравнительно недавно, лишь немногим более 30 стран, которые не были причастны к формированию международного права, признали юрисдикцию Суда в качестве обязательной.

И обусловлено это все той же причиной, что и выше. И дело тут не в недоверии к самому Суду и не в том, что он слабо привержен праву. В сущности, у истоков этой проблемы лежит не совсем безосновательная убежденность в том, что свод права, подлежащего применению Судом, в общем-то не отражает их нужды, ибо он создавался в иную эпоху и на основе практики государств, преследовавших совсем иные интересы.

А чтобы найти подобающее решение этой проблемы, нам нужно в полной мере отдавать себе отчет в том, что такая ситуация имеет место, и понимать ее. И выход тут состоит не в том, чтобы попрекать новые государства или малые и средние страны за их сдержанное отношение к праву и лишь сетовать по поводу того, как невелико число государств, признавших юрисдикцию Суда в качестве обязательной. Им надо дать доступ к процессам создания международного права за счет деятельности международных организаций и, разумеется, Суда. Несмотря на то доверие, которое оказали Суду немалое число стран, он оказался не в состоянии утвердиться в качестве преимущественного форума для мирного урегулирования споров. Суд обладает широкими дискреционными полномочиями, и, на наш взгляд, он должен использовать их в интересах всего международного сообщества в целом. Суд будет в состоянии способствовать поддержанию международного мира и безопасности лишь в той мере, в какой он освоится с новой международной средой.

Тема, собравшая нас сегодня вместе, является очень хорошим примером тех возможностей и проблем, которыми оборачивается для данного Суда эволюция международных условий. Мне доводится представить вам следующие замечания в связи с двумя обсуждаемыми вопросами. И я особо коснусь консультативного заключения, запрошенного Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций.

А) Мексика вновь подтверждает все и всякие соображения, содержащиеся в документе, который был представлен нами на основе запроса Генеральной Ассамблеи относительно консультативного заключения, который был изложен в ее резолюции 49/75 К. В частности, мне хотелось бы процитировать следующий пункт: "Та угроза, которую таит в себе для выживания человечества существование ядерного оружия, дает международному сообществу в целом право высказаться о незаконности такого оружия и предпринимать соответствующие действия, невзирая на претензии государств на любое суверенное право приобретать любые средства, какие оно считает целесообразными, для обеспечения своей обороны. Разумеется, государства, обладающие ядерным оружием, не могут претендовать на то, что этот вопрос относится к их внутренней юрисдикции. Устав Организации Объединенных Наций бесспорно установил в качестве ее главной цели поддержание международного мира и безопасности. И уже само обладание ядерным оружием идет вразрез с безопасностью человечества".

В) Международный Суд как один из главных органов Организации Объединенных Наций несет явную ответственность за установление существа поставленной перед ним проблемы, которая касается столь важного вопроса международной повестки дня.

Мы не приемлем замечания некоторых стран-членов о том, что Суду не следует высказываться по этому вопросу. Неприемлемо настаивать на том, что данная проблема носит политический характер, что поставленные вопросы якобы расплывчаты или что Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций не следовало запрашивать консультативного заключения по проблематике, относящейся к ее исключительной компетенции или входящей в компетенцию Совета Безопасности.

В связи с первым процедурным возражением уместно напомнить о том, что говорил г-н Джеральд Фицморис в своей книге "The Law and Procedure of the International Court of Justice" 5/, опубликованной в 1986 году. "Если представленный Суду вопрос сам по себе носит юридический характер, - а, среди прочего, все вопросы, связанные с толкованием международных документов, носят *ipso facto* юридический характер, - то факт того, что данный вопрос содержит политические элементы, не имеет значения".

В этой связи судья Фицморис упомянул следующие дела, переданные Суду: дело о принятии за 1948 год; дело о принятии за 1950 год и дело о мирных договорах - также за 1950 год.

Мы не принимаем в расчет довод о том, что данный вопрос якобы носит гипотетический или очень абстрактный характер, ибо он был выдвинут в порядке обоснования того, что Суд не должен выносить своего заключения по существу дела. Согласно статье 96 Устава и статье 65 Статута Суда данный Суд может выносить консультативное заключение по любому юридическому вопросу - будь то абстрактному или нет. Этот критерий был применен в случае двух дел о принятии, которые рассматривались Судом в 1948 и 1950 годах. Вновь процитирую вышеупомянутую книгу судьи Фицмориса за 1986 год: "Суд имеет право давать консультативные заключения по абстрактным вопросам, и если вопрос носит юридический характер, то не имеет значения, делается ли это в отвлеченном виде или же по конкретному случаю".

И мы не усматриваем оснований для того, чтобы считать "абстрактными" формулировки вопроса, поставленного перед Судом, тогда как ядерная угроза на деле является весьма реальной константой в международных конфликтах - даже после окончания "холодной войны". В этом отношении мне хотелось бы сослаться на исследования, подготовленные Национальным президентом организации "Ветераны против ядерного оружия" Дэвидом Р. Морганом, от 22 октября 1995 года, - *Summaries of the Threats*

5/ FITZMAURICE, Gerald, *The Law and Procedure of the International Court of Justice: Treaty Interpretation and Certain Other Treaty Points*, *apud*, SHABTAI, Rosenne, *Op. cit.*

of Use of Nuclear Weapons During the Sixteen Known Nuclear Crises of the Cold War (1946-1985)", и на статью Милана Рая и Деклана Макхью "Nuclear Targeting of the Third World". Откладывать вынесение юридического заключения относительно применения или угрозы применения ядерного оружия до наступления реального события - это все равно что подменять терапию вскрытием тела. В частности, мне хотелось бы, чтобы странам было известно, правомерны ли те подходы, которые они рассматривают в качестве вариантов, и не могут ли они обернуться такими последствиями, которые уже пост-фактум могли бы привести их в Международный Суд.

Г-н Председатель и члены Суда, мы не один год являемся свидетелями процесса глобализации. Одним из следствий этой ситуации является общее согласие с тем, что многие проблемы должны решаться на многонациональной основе. А это повлекло бы за собой расширение сферы применения классического международного права, которое переросло из права наций на сосуществование в право, признающее определенные минимальные параметры благосостояния в качестве общих целей. В 1969 году Вольфганг Фридман в порядке теоретизации характеризовал расширение сферы международного права следующим образом: "Расширение международного права с переходом преимущественно негативного кодекса законов воздержания к позитивным законам сотрудничества - как бы фрагментарно и неадекватно они ни существовали при нынешнем состоянии международной политики - представляет собой крайне важную эволюцию для принципов и структуры международного правопорядка.

В поддержку этой идеи "сотрудничества как принципа права" бывший британский судья Международного Суда г-н Джеральд Фицморис, которого мне довелось узнать в первые годы моей работы в Юридическом Комитете Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, в своем специальном докладе Институту международного права "The Future of Public International Law and the International Legal System in the Circumstances of Today" говорит следующее: "Мы полагаем, что в целом у нас не так много оснований считать, что идея обязательности сотрудничать прошла достаточный путь развития для того, чтобы быть принятой в качестве общего принципа международного права (*jus cogens*). С принятием обязанности действовать в духе доброй воли нужно признать, что требуется нечто большее, нежели просто воздерживаться от недобросовестных действий: нужен подход *uberrimae fidei*, что, очевидно, охватывает и идею признания общего солидарного интереса, когда таковой явно имеет место, и желание участвовать в мерах по утверждению этого солидарного интереса или, по крайней мере, воздерживаться от мер, которые могли бы навредить ему.

В этой связи уместно также вспомнить вердикт Международного Суда по делу "Barcelona Traction", который был вынесен здесь в Суде в 1970 году. В этом постановлении было проведено разграничение между "обязанностями применительно к международному сообществу в целом" и "обязанностями одной страны по отношению к другой". В этом случае Суд заявил: "Уже по самой своей природе первые представляют

интерес для всех государств, учитывая важность прав, о которых идет речь; можно сказать, что все государства имеют правовой интерес в их защите; здесь речь идет об обязанностях *erga omnes*".

Что же касается утверждения о том, что Генеральной Ассамблее не следовало запрашивать указаний по предмету ее компетенции, то нужно отметить, что в этом отношении имеют место четкие прецеденты. Например, Ассамблея запрашивала разъяснение по вопросу права (дело о мирных договорах, 1950 год, Международный Суд) в связи с проблемой, входящей в ее компетенцию, как это было четко установлено в первой резолюции первой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Она единодушно учредила Комиссию по атомной энергии, первейшая задача которой состояла в подготовке конкретных предложений "относительно исключения из национальных вооружений атомного оружия и всех других... видов вооружения, пригодных для массового уничтожения", и на практике Комиссия целиком посвятила себя проблеме ядерных вооружений б/.

С) Главной целью организованного человечества по-прежнему является решение о запрещении ядерного оружия. Однако консультативное заключение касается лишь законности применения или угрозы применения силы с использованием ядерного оружия, что явно незаконно с точки зрения права.

В этом отношении Мексика вновь заявляет об абсолютном характере содержащегося в Уставе Организации Объединенных Наций принципа запрещения угрозы силой или применения силы в международных отношениях. Поэтому мы подчеркиваем, что в наше время невозможно расценивать принцип запрещения угрозы силой или применения силы просто как ограничение деятельности страны.

Этот принцип также означает, что компетентные органы Организации Объединенных Наций наделены практически монопольным правом на вынесение суждений и решений, а также полномочиями на применение принуждения, необходимого в рамках международного сообщества, хотя они и отличаются неполным характером еще со времен Сан-Франциско, и в той мере, в какой Организация является недействительной, а ее централизация -

---

б/ Нет сомнений в том, что ядерное нападение на Хиросиму и Нагасаки негативно повлияло на будущее Организации Объединенных Наций всего лишь несколько недель после того, как 26 июня 1945 года был подписан ее учредительный документ - Устав, и лишь за несколько месяцев до того, как 24 января 1946 года в Лондоне собралась первая сессия Генеральной Ассамблеи. Они создали такую ситуацию, которая изменила исходные концепции, на основе которых создавалась Организация Объединенных Наций, и ей пришлось заниматься ими в первоочередном порядке.

неполной, система коллективной безопасности признала необходимость того, чтобы государства брали на себя определенные и ограниченные аспекты применения силы за счет осуществления права на законную самооборону – на индивидуальной или коллективной основе.

Однако это исключительное правомочие предоставляется стране только в том случае, когда возникает необходимость подменить Организацию или оказать ей помощь из-за недостатка у нее практических средств, а это означает, что при реальном применении силы было бы невозможно усилить это исключительное правомочие, когда централизация полномочий отличается юридической полнотой, т.е. когда Организация действительно управомочена юридически решать – окончательно и императивно, – следует ли применять силу, и определять масштабы и условия такого применения.

В этом контексте по причинам, которые мы приводим в своих письменных замечаниях и на которых я не буду сейчас останавливаться, угроза силой или применение силы с использованием ядерного оружия подпадает под запрещение или запрещения, описанные выше, включая запрещение в рамках законной коллективной или индивидуальной самообороны или согласно резолюциям Совета Безопасности. То же самое было бы применимо к резолюциям Генеральной Ассамблеи в соответствии с прецедентом, созданным резолюцией "Единство в пользу мира", в рамках, как говорят теоретики, "периферийных полномочий Генеральной Ассамблеи".

Кроме того, мы отвергаем теорию, которая начала было формироваться в первые годы становления Организации и в соответствии с которой законная самооборона возможна не только в случае уже начавшегося вооруженного нападения, но и в случае государства, чей уровень подготовки к войне и чьи явные агрессивные устремления дают основания для подозрения о неминуемости нападения.

Не требуется слишком много воображения, чтобы уяснить себе, куда завела бы нас эта теория в условиях ядерного баланса. Достаточно подумать о том, что как раз сейчас есть еще сотни, а то и тысячи готовых к залпу снарядов с термоядерными боеголовками. К счастью, здравомыслящие государственные деятели, в чьих руках находится контроль за ядерными арсеналами, – будем надеяться, что это именно так, – относятся к идеям "явной и неминуемой опасности" с меньшим пренебрежением и легкомыслием, чем кое-какие юристы.

Вторая тенденция, оказывающая негативное воздействие на Устав, не предполагает непосредственного расширения объема права обращения к законной самообороне, но она очень тесно связана с этим же вопросом. Для того чтобы продемонстрировать всю значимость этой тенденции, достаточно сказать, что она была представлена Комитету по Уставу Организации Объединенных Наций Ассоциации международного права на его сессии 1962 года в Брюсселе докладчиком по этому вопросу профессором Шварценбергером следующим образом: "Воюющая страна, чей противник нарушает договорное обязательство не прибегать к силе или войне, имеет право в порядке ответной меры, даже когда

нападение было совершено с применением обычного оружия, использовать ядерное и термоядерное оружие". Была предпринята попытка утвердить эту теорию за счет тезиса о том, что ограничения, установленные обычным международным правом на применение биологического и химического оружия, продиктованы не самой его природой как оружия массового уничтожения, а его несовместимостью с нормами, запрещающими применение ядов или отравляющего оружия.

В связи с этой теорией примечательно то, что ее поддержали ряд видных юристов, хотя справедливости ради следует сказать, что, пожалуй, еще больше юристов ее отвергли. Небезынтересно также отметить, что время от времени она вновь всплывает на научных и даже на политических форумах, как это имело место несколько дней назад, когда была объявлена программа ядерного сотрудничества между двумя государствами, обладающими ядерным оружием, чьи оборонные доктрины, очевидно, включают использование атомной бомбы в порядке предупреждения в случае "угрозы их жизненным интересам".

В теоретическом плане концепция "жизненных интересов" или "национальных интересов" или "национальной безопасности" была известна нам как "государственные соображения", или, если вспомнить хорошо известный афоризм Паскаля, "у государства есть свои резоны, неведомые разуму".

К сожалению, даже сегодня есть немало примеров действий, предпринимаемых государствами со ссылкой на национальные интересы, выходя за рамки международного права, а также многосторонних и двусторонних договоров. И в этой связи я имею в виду недавнее соглашение между Великобританией и Францией о ядерном сотрудничестве, некоторые военные акции Соединенных Штатов и заявление командующего российскими войсками генерала Владимира Семенова, который, говоря о развертывании российских войск в Чечне, обосновал такой шаг, который, по-видимому, нарушает Соглашение об обычных вооруженных силах в Европе тем, что "интересы России и ее безопасности выше положений договора, участницей которого она является".

Конкретно по этому вопросу я хочу лишь сказать, что, по мнению моей страны, применение ядерного оружия в порядке ответной меры – или под каким-либо иным предлогом – в случае неядерного нападения противоречит принципу соразмерности.

"Если воюющая сторона варварски истребляет женщин и детей, то для другой стороны бесчеловечно отвечать тем же варварством" – Д. Антокилец "Derecho Internacional Publico", 440 (4th ed. 1994) (перевод). На пытку не позволительно отвечать пыткой. В случае массового насилия неприемлемо прибегать к возмездию в виде массового насилия. Точно так же неприемлемо и практиковать сдерживание по принципу возмездия: "Ты сжег мой город, а я сожгу твой".

Как заявил бывший член Суда судья Энс Эвенсон на пресс-конференции, состоявшейся 13 апреля 1989 года в Гааге, "репрессалии сами по себе являются нарушениями ... (и) сама природа современного оружия такова, что его применения нельзя допускать ни в коем случае - ни в случае применения первым, ни в порядке репрессалий ... Применение ядерного оружия является тягчайшим преступлением ... Мы можем составлять всевозможные сценарии, но это не меняет того принципиального подхода, что имеются определенные вооружения, которые носят противозаконный и преступный характер, и поведение противоположной стороны не делает их законными".

Суммарная мощность всех боеприпасов, применявшихся на протяжении тех пяти лет, что шла вторая мировая война, составляет 2 мегатонны, тогда как сегодня, как все мы знаем, имеются ядерные боезаряды, каждый из которых имеет взрывную мощь 50 мегатонн. Во-вторых, международное право защищает нейтральные государства, а эффект ядерного оружия не поддается контролю в такой степени.

Кроме того, ядерное оружие не проводит разграничения между вооруженными силами и гражданским населением; ядерное оружие поражает вслепую, а в силу его вероятных последствий для будущих поколений, что обусловлено самой его природой, его можно даже расценить как орудие неизбежного геноцида. Так давайте же зададимся вопросом: как можно при таких обстоятельствах отрицать, что применение ядерных и термоядерных вооружений противоречит Уставу Организации Объединенных Наций и является самым тяжким случаем применения силы?

D) Мексика является одной из многих стран, которые признают юридическую ценность в качестве источника международного права некоторых резолюций, принятых международными организациями, причем я должен добавить, что эта теория была впервые выдвинута, в частности, мексиканским юристом Хорхе Кастаньедой, и, поскольку многие из тех решений, на которые мы ссылаемся, объявляя незаконными применение силы и угрозу силой с использованием ядерного оружия, как раз и являются резолюциями многосторонних форумов, я хотел бы разъяснить Суду, какими мотивами мы подкрепляем эту теорию.

Конечно, резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций не может быть сопоставима по своей юридической ценности с действующим договором между двумя или более странами. В договоре стороны вступают в официальные обязательства с явным намерением быть связанными всем, что фигурирует в его тексте, и в строгом соответствии со своими соответствующими конституционными предписаниями. С другой стороны, резолюции Генеральной Ассамблеи, хотя они и составлены специализированными комиссиями, являются результатом обширных дискуссий и принимаются голосованием представителей от каждой страны, обычно назначаемых их исполнительной властью. Тем не менее согласие с тем, что содержание резолюции Ассамблеи не имеет полной связующей силы договора, и отрицание ее всякого юридического эффекта - это две разные вещи. И это нельзя игнорировать, ибо в противном случае мы рискуем совершить серьезную ошибку.

Было бы резонно исходить из того, что резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, хотя они и лишены связующей силы договора, зачастую отражают общий консенсус – особенно если они были одобрены значительным большинством, – а тем самым и подтверждают или укрепляют прецеденты в сфере международного права. Как отметил Оливер Лисицын в своей книге "International Law in a Divided World", опубликованной в Монтевидео в 1965 году, "исходя от представительного органа крупнейшей из организаций, когда-либо создававшихся человечеством, резолюции должны иметь важное значение для развития международного права, ибо в них получают признание или подтверждение общая практика или юридические принципы, которые могут стать общими принципами права". Юридическая ценность некоторых резолюций столь бесспорна, что в бесчисленных решениях этого высокого Суда они цитируются как источник права. Другими словами, они используются в качестве наилучшего средства определения принципов, признанных странами, и, на мой взгляд, – не только для подтверждения наличия обычной правовой нормы, но и для обоснования теории *lex ferenda*.

И наконец, есть решающий аргумент: какими бы ни были мнения относительно юридической ценности резолюций такого форума, как Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций, никто не может утверждать, что в качестве международного обычая или общепризнанного принципа международного права можно утверждать нечто противоположное тому, что было принято подавляющим большинством на форуме, который олицетворяет собой настроения чуть ли не всех стран мира. А следовательно, даже если отрицать, что эти резолюции являются связывающими юридическими предписаниями или что они подтверждают нормы или юридически действенные принципы, ясно, что в качестве действенной нормы нельзя выдвигать и противоположный принцип – который был отвергнут голосованием.

По мнению Мексики, вышеизложенное подтверждает значимость Декларации о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия (1653 (XVI)), которая гласит следующее: "Применение ядерного и термоядерного оружия противоречит духу, букве и целям Организации Объединенных Наций и поэтому является прямым нарушением Устава Организации Объединенных Наций". Эта Декларация, принятая Генеральной Ассамблеей, ратифицирована в таких резолюциях, как 2938 (XXVII), часть В, и другие. Все они поддержаны значительным большинством, все они подчеркивают, что применение или угроза применения ядерного оружия являются нарушением.

Кроме этого, договоры, которые запрещают не только применение и угрозу применения ядерного оружия, но и обладание им, его передачу и производство, такие, как Договор Тлателолко о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке, Договор об Антарктике, Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой и Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана (Договор Раротонга), отражают одну из самых эффективных процедур достижения запрещения ядерного оружия во всем мире, а именно: путем постепенного сокращения конфликтных районов в ядерном отношении.

И поэтому несостоятелен довод о том, что существование этих договоров свидетельствует об отсутствии универсально применимой регламентации. Это было бы равноценно тому, чтобы сказать, что единственным источником международного права являются договоры, а это несовместимо со статьей 38 Статута Международного Суда и уж тем более с выдвигаемой нами в данном выступлении теорией о ценности некоторых резолюций Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, что некоторые теоретики именуют "спонтанным обычаем" как источником прав и обязанностей.

Как указывала Мексика в своих письменных замечаниях, даже Договор о нераспространении ядерного оружия имеет в качестве своей конечной цели ликвидацию этого рода устройств, как это было прямо упомянуто на последней Конференции по рассмотрению и продлению этого международного документа. В этой связи Мексика, в частности, отвергла довод о том, что бессрочной пролонгацией Договора мы приняли дуализм между странами, обладающими ядерным оружием, и теми странами, кто не может его обрести. Как было заявлено в пресс-релизе министерства иностранных дел (от 5 сентября 1995 года), Мексика придает большое значение выполнению взятых на этой Конференции обязательств по ядерному разоружению. В случае же их невыполнения нам нужно будет пересмотреть вопрос о продолжении своего участия в Договоре о нераспространении ядерного оружия на основании статьи X.

Короче говоря, мы не готовы ни при каких обстоятельствах смириться с монополией на обладание ядерным оружием или допустить модернизацию этих устройств за счет испытаний, правомерность которых мы также ставим под вопрос.

Е) Международное право, применимое в случаях вооруженных конфликтов, известное также как гуманитарное право, состоит из свода правовых положений, обеспечивающих, как указывает его название, уважение человеческой жизни. Оно делится на две ветви, одной из которых является Гаагское право, а другой – Женевское право. Первая устанавливает права и обязанности государств в ходе войны, и среди ее самых важных постулатов фигурирует тезис об ограничении свободы выбора боевых средств. И коль скоро мы принимаем принцип того, что использование любого вооружения является правомерным только в той мере, в какой оно применяется для вывода из строя комбатантов – будь то в целях самообороны или нет, то мы не могли бы и в мыслях допустить, что международное право допускает возможность посягательства на все человечество в целом.

Его постановления коренятся главным образом в соглашениях, которые были одобрены в Гааге в 1889 году и скорректированы в 1907 году проходившими здесь в те годы мирными конференциями. И поэтому – то они известны как Гаагское право. Однако эта ветвь включает и другие конвенции, такие, как Санкт-Петербургская декларация 1868 года о запрещении определенных вооружений и Женевский протокол 1925 года о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств.

Цель Женевского права состоит в защите военнослужащих, выведенных из строя, а также лиц, которые не принимают участия в боевых действиях. Его постановления содержатся в четырех Женевских конвенциях 1949 года и в Дополнительных протоколах к этим документам. Они представляют собой самые значительные до сих пор усилия по кодификации норм о защите лиц в случаях вооруженных конфликтов. Самая важная особенность этого свода норм заключается в том, что в нем делается попытка как-то помешать, чтобы гражданские лица стали прямой жертвой военных действий.

И наконец, стоит подчеркнуть общий принцип, включенный в преамбулу двух Гаагских конвенций и известный как "оговорка Мартенса" по имени русского юриста Федора Федоровича Мартенса. Его цель заключается в том, чтобы утвердить применение международного права даже в случаях, когда существующие международные конвенции не устанавливают норм, подлежащих применению в определенных ситуациях.

В этой оговорке указывается, что в таких случаях "население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания". И если все-таки еще имеют место сомнения относительно озабоченности человечества в связи с этой проблемой, то представители Ассоциации жертв атомной бомбардировки Нагасаки и Хиросимы вручили мне в Нью-Йорке копии 100 000 подписей лиц из числа 50 миллионов человек, подписавшихся под Декларацией, в которой выражается их отмежевание от ядерного оружия.

И вот этот-то принцип и воплощен в "оговорке Мартенса"; но есть еще и другой принцип, который вытекает из Гаагских конференций и который устанавливает, что "чрезмерно жестокое или бесчеловечное оружие, хотя и имеющее военное применение, должно быть запрещено". Опустошительный же эффект ядерного оружия с присущим ему неизбирательным применением, как об этом свидетельствуют нападения на Хиросиму и Нагасаки, еще раз подтверждает незаконность применения и угрозы применения ядерного оружия в любых обстоятельствах – повторяю – в любых обстоятельствах, как я пытался доказать в этом выступлении.

Г) И наконец, уместно напомнить, что Комитет по правам человека, чья функция состоит в надзоре за осуществлением Международного пакта о гражданских и политических правах, определил следующим образом, что ядерное оружие ставит под угрозу право на жизнь: "Разработка, испытание, производство, обладание, развертывание и применение ядерного оружия относятся к числу величайших угроз для права на жизнь, с какими сталкивается сегодня человечество. Эта угроза отягощается и опасностью того, что реальное применение ядерного оружия может иметь место не только в случае войны, но и в результате человеческой или технической ошибки или сбоя. Кроме того, уже само наличие и серьезность такой угрозы создает атмосферу подозрительности и страха в отношениях между государствами, что само по себе противоречит утверждению

универсального уважения и соблюдения прав человека и основных свобод в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и Международными пактами по правам человека".

Другими словами, ядерное оружие ставит под угрозу право на жизнь и способствует созданию атмосферы недоверия среди государств, вследствие чего возрастает возможность того, что эти угрозы могут обернуться реальными нападениями.

В этом отношении я хочу напомнить слова заместителя Председателя данного Суда судьи Швобеля в отношении прав человека о том, что обязательства государств в этой области не могут рассматриваться как относящиеся к заповедной сфере данного государства. Цитирую: "Коль скоро государство принимает обязательства по отношению к другому государству или по отношению к международному сообществу в конкретной сфере прав человека, оно уже не может заявлять другому государству или международному сообществу, что вопросы этой сферы исключительно или по существу входят в рамки его внутренней юрисдикции и выходят за рамки международного ведения". А соответственно, обладание ядерным оружием и его применение, что являет собой нарушение права на жизнь, не может оправдываться государствами, обладающими ядерным оружием, в качестве составной части их оборонной стратегии или в качестве вопроса, подпадающего под внутреннюю юрисдикцию такого государства.

Вот, г-н Председатель и члены Международного Суда, те замечания, которые Мексика представляет в рамках своего первого выступления со времени создания данного Суда, и я надеюсь, что они станут существенным подспорьем для консультативного заключения Суда в ответ на запрос Генеральной Ассамблеи – форума, который лучше всего выражает мнение человечества по такого рода проблематике, как настоящая.
